

Р. М. Рупова

ИСТОРИЯ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ В XX в. И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В УЧЕБНЫХ КУРСАХ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Аннотация

Анализ учебных программ высшей школы показывает, что курс истории русской философии обычно завершается рассмотрением метафизики всеединства, развитой в трудах В. С. Соловьева, и ее преломлений в философских системах мыслителей Серебряного века. В статье рассматривается дальнейшее развитие русской мысли — той ее линии, которая органически продолжала философские поиски и открытия дореволюционного периода в России. За последние несколько десятилетий было осуществлено множество переводов и переизданий философских текстов русской эмиграции, что позволило реконструировать пути русской мысли XX в. вне России. Возникновение в Европе очага русской религиозной философии вывело ее на новый уровень — идентификации себя как иной, по отношению к Западу, философской традиции, выстраиваемой на фундаменте восточного христианства. По мнению автора, это развитие русской мысли должно быть отражено в учебных пособиях по философии для высшей школы. В статье представлен эскизный очерк истории русской религиозной философии за последние два столетия.

Ключевые слова: история русской мысли, пути русского богословия, философия Серебряного века, религиозная философия, неопатристический синтез, философская мысль русской эмиграции, Парижская школа

Изучение истории русской мысли в высшей школе способствует формированию у слушателей мировоззренческого фундамента, активизации процесса их этического и духовного самоопределения. Это является воспитательным фактором, ибо «воспитание как в широком, так и в узком смысле слова всегда осуществляется на основе культуры» [11, с. 27]. Отечественная культура в ее многообразии, включая философский поиск смысла бытия, отраженный в произведениях ее творцов, являет нам примеры глубокого осмысления проблем, поставленных жизнью человека в мире, древней и новейшей историей.

Но, как показывает анализ учебных программ высшей школы, курс истории русской философии обычно обрывается на рассмотрении метафизики всеединства — учения, разработанного в трудах В. С. Соловьева, —

и его преломления в философских системах мыслителей Серебряного века. Студентам предлагается изучение трудов таких философов начала XX в., как В. В. Розанов (1856–1919), Л. И. Шестов (1866–1938), С. Н. Булгаков (1871–1944), Н. А. Бердяев (1874–1948), С. Л. Франк (1877–1950), П. А. Флоренский (1882–1937), Л. П. Карсавин (1882–1952), И. А. Ильин 1883–1954), А. Ф. Лосев (1893–1988). Действительно, перечень имен этих мыслителей достаточно полно представляет картину русской мысли Серебряного века. Однако, этого на настоящий момент уже недостаточно. После революции 1917 г. русская мысль не прекратила своего существования, но развивалась уже в совершенно иных условиях.

Рассмотрим ряд современных учебников и пособий, используемых для преподавания истории русской мысли. В учебном пособии для вузов Л. Е. Шапошникова и А. А. Федорова «История русской религиозной философии» [21] финальной фигурой, выражающей основные интенции русской религиозно-философской мысли, представлен Н. А. Бердяев. В учебном пособии О. Т. Ермишина «Философия религии. Концепции религии в зарубежной и русской философии» (2009 г.) [3] хронология развития русской философии завершается именем А. Ф. Лосева. Далее, после перерыва, следует описание трудов С. С. Аверинцева. Разумеется, в пособии рассмотрено и творчество упомянутых выше философов. Наиболее полный материал представлен в учебнике «История русской философии» под редакцией М. А. Маслина (М., 2013). Раздел, посвященный отечественной религиозной философии, завершается главой «Философия "высшего синтеза" А. Ф. Лосева» [5]. Редкое исключение составляет учебник К. В. Воденко «История религиозной философии», изданный в Ростове-на-Дону в 2015 г. [2], где имеется раздел «Современная неопатристика и неопаламизм».

Автор настоящей статьи имеет целью обосновать необходимость для современной высшей школы преподавания русской философии с учетом ее развития в течение всего XX в. Серебряный век не был заключительным аккордом, и в материалах гуманитарного цикла необходимо отразить дальнейшее развитие русской мысли — той ее линии, которая органически продолжала философские поиски и открытия дореволюционного периода.

Построение учебного курса в соответствии с образовательными стандартами высшей школы требует учитывать современные научные исследования по изучаемой проблематике. За последние несколько десятилетий, когда по причине радикального изменения российской социально-политической ситуации открылся широкий доступ к зарубежным источникам, было осуществлено множество переводов и переизданий философских текстов русской эмиграции, что позволило реконструировать пути русской мысли XX в. вне России. Полнота и обоснованность освещения рассматриваемых нами вопросов достигается за счет применения метода

ретроспективного анализа. Историко-философский подход к отечественной интеллектуальной культуре позволяет установить генетические связи между системами и концепциями, отследить векторы развития философской мысли, ее внутреннюю логику.

Как отмечает Г. Н. Кузьменко, «характерной чертой традиционных социально-гуманитарных наук, то есть наук, имеющих длительную историю... является апелляция к своему прошлому» [8]. Реконструкция пути отечественной философии дает возможность в общих чертах воспроизвести картину ее формирования и развития.

В. В. Зеньковский, историк, свидетель и действующее лицо русского философского процесса XX в., отмечал, что «самостоятельное творчество в области философии, вернее — первые начатки его — мы находим в России лишь во второй половине XVIII в., в XIX в. начинается эпоха интенсивного, все более разгорающегося философского движения, которое определило пути философии в России. Было бы, однако, большой ошибкой думать, что до второй половины XVIII в. философские запросы были чужды русскому уму — в действительности они... находили обычно свое разрешение в религиозном мирозерцании» [4, с. 17]. С самых первых своих шагов русская философия формировалась под воздействием двух определяющих факторов: отечественной культуры, во всей ее многомерности, и европейской философии. Первый фактор дал основание для самобытности, повлиял на проблематику и внутренние задачи. Благодаря второму сложилась ситуация, когда русская философия вступила в тесное общение с высокоорганизованной западной мыслью, оснащенной развитым категориальным аппаратом и методологией — в силу того, что история европейской философии насчитывала уже более двух тысячелетий. В подобных обстоятельствах неизбежно возникает некоторая зависимость от более развитой традиции. При этом «такая зависимость никогда не остается чисто технической, ибо никаких "технических средств", отдельных от смыслового содержания, в философии просто не существует. В итоге средства выражения новой традиции неизбежно входят в конфликт с ее истоками и задачами, и в ее недрах возникают внутренние напряжения — извечная распря нового вина и старых мехов. Исход конфликта может быть лишь один. Новое течение мысли создаст свой язык, свои адекватные формы и методы» [18, с. 76]. Отметим также факт, важный для дидактических целей гуманитарного цикла высшей школы: русская мысль концептуально оформилась не столько в виде философских систем, сколько в виде художественного и публицистического дискурса. «В нашем умственном развитии, — замечал по этому поводу Н. Г. Чернышевский, — литература играет более значительную роль, нежели французская, немецкая, английская литература в умственном развитии своих народов... Литература у нас пока

сосредоточивает почти всю умственную жизнь народа, и потому прямо на ней лежит долг заниматься такими интересами, которые в других странах перешли в специальные заведывания других направлений умственной деятельности... У нас литература имеет какое-то энциклопедическое значение, уже утраченное литературами более просвещенных народов» [20, с. 789].

В первой половине XIX в. наиболее яркими представителями философско-концептуального оформления русской мысли были славянофилы, которые поставили перед собой задачу концептуализации русского самосознания. Остроту философского запроса времени выразил А. С. Хомяков: «К чему предназначено это долго не признанное племя, по-видимому осужденное на какую-то страдательную роль в истории? Чему приписать его изолированность и непонятный строй его жизни... — тому ли, что оно по природе своей не способно к самостоятельному развитию и только предназначено служить как бы запасным материалом для обновлений оскудевших сил передовых народов, или тому, что в нем хранятся зачатки нового просвещения, которого пора наступит не прежде, как по истощении начал, ныне изживаемых человечеством?» [16, с. 535]. Это показывает, что проблема необходимости развития отечественной философии выходила далеко за академические рамки. Так болезненно и остро переживалось славянофилами отставание России от Запада, что вопросы славянского самосознания всегда обрастали идеологическими, политическими, социокультурными напластованиями.

В этом противостоянии существенно менее оригинальными были западники, предлагавшие России путь подражания, копирования западных социокультурных моделей. Для славянофилов, апеллировавших к национальной религиозно-культурной традиции, встала задача эксплицировать саму эту традицию, осуществить социально-философский анализ, доказать ее жизненность и превосходство. Это была творческая задача, так как славянофилы в своих историософских моделях опирались скорее на умозрительный идеал, чем на реальные факты истории Древней Руси. Как писал Г. Шпет, имевший взгляды, диаметрально противоположные взглядам славянофилов: «Славянофильские проблемы — единственные оригинальные проблемы русской философии, как бы ни решались они» [22, с. 37]. Уместно в этом контексте замечание А. С. Пушкина: «Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой... ее история требует другой мысли, другой формулы...» [13, с. 284].

В противостоянии славянофилов и западников историческую победу одержали западники, но вовсе не потому, что их концепция была более верной или более оригинальной. Вторичность и подражательность их подходов несравнимы с программой оппонентов, у которых высокие задачи

сочетались с неопределенностью путей их решения. При этом наследие славянофилов осталось актуальным на всех дальнейших путях русской истории — отечественная мысль не раз возвращалась и переосмысливала его. Это связано с тем, что А. С. Хомяков поставил чрезвычайно значимую для многих стран мира проблему, которая описывается дихотомией: вестернизация — путь национальной самобытности.

Кратко описывая историю русской мысли, следует обратить внимание на период Золотого века русской культуры, ключевой фигурой которого являлся А. С. Пушкин. Этот период, по мнению С. С. Хоружего, можно назвать Западно-Восточным синтезом: «успешное претворение “чужого” в “свое”, заемного и лоскутного в органичное и творческое означало, что ведущую роль в синтезе играли собственные, аутентичные начала — опыт русской истории, менталитета, православной духовности. ...Можно считать, что в крупной своей структуре, русский синтез был синтезом восточнохристианского дискурса — опыта российского исторического бытия — секуляризованной культуры Запада» [17, с. 38].

Для понимания русского философского процесса в XX в. знаковой фигурой является В. С. Соловьев (1853–1900), под влиянием которого изменился сам тип русского философствования. Именно благодаря трудам В. С. Соловьева русская мысль была снабжена тем профессиональным арсеналом западной философии, который позволил ей выразить собственное содержание и выйти на новый уровень. В контексте западной философии система Соловьева перекликалась с поиском путей обновления европейской мысли, заключавшемся в критике позитивизма, социоцентризма, философского рационализма, которым противопоставлялась концепция всеединства, подразумевающая экуменизм в религии, идею построения теократии и роль нравственности как философской категории и определяющей основы жизни. При этом не концепция всеединства сама по себе, а ее сочетание с идеей Софии-Премудрости, вдохновлявшей все творчество В. С. Соловьева, обуславливает неповторимый облик этого неординарного мыслителя. Роль философа особенно велика в трагическом переживании истории, прокладывании новых путей религиозного сознания и, в очень большой степени, в закладке фундамента русской религиозной мысли XX в. В полной мере значение соловьевской мысли будет понятно, если смотреть на нее сквозь призму эпохи Серебряного века: «Нельзя представить себе более тесной связи, более полного, интимного историко-культурного совпадения, чем Владимир Соловьев — и Русский религиозно-философский ренессанс» [19, с. 157]. Начав свое движение от В. С. Соловьева, отечественная религиозная философия все более и более выходила на почву православной традиции. В начале этого процесса стоят о. Павел Флоренский, С. Н. Трубецкой (1862–1905), о. Сергей Булгаков,

которые сочетали православие с теми или иными его авторскими трансформациями. В середине и второй половине XX в. эту линию продолжили мыслители, развивавшие православную мысль уже в строгом русле святоотеческой традиции. Это прот. Георгий Флоровский (1893–1979), В. Н. Лосский (1903–1958), прот. Александр Шмеман (1921–1983), прот. Иоанн Мейендорф (1926–1992).

Понимание вектора развития русской философии позволяет существенно облегчить процессы ее преподавания в высшей школе. Если подойти к русской мысли с попыткой квалифицировать ее с точки зрения магистральных путей европейской философии, то метафизика всеединства В. С. Соловьева вписывается в русло античного платонизма и неоплатонизма. Отечественная философия, последовавшая в своем развитии за В. С. Соловьевым, пошла по пути создания собственной традиции. Для реализации этой задачи потребовалось внимательное изучение и анализ православия, являющегося культуuroобразующей религией для России. При этом западноевропейская мысль, из которой был заимствован философский инструментарий, теперь воспринималась как препятствие — требовалось преодоление ее влияния. Таким образом, в русской философии переосмысливались системы И. Канта, Г. Гегеля, Ф. Ницше, К. Маркса, О. Конта и др. Как результат, философы Серебряного века, хотя и дополняли свои системы элементами христианского дискурса, но из-за важного вопроса христианской космологии (утверждения, что тварное бытие может соединяться с Богом не по сущности, а только по энергии) никак не вписывались в святоотеческую традицию. Метафизика всеединства, не учитывающая этот принцип, таким образом, является всего лишь вариацией эллинского идеализма. А. Ф. Лосев обозначил философский подход, реализуемый им самим и другими русскими мыслителями, его современниками, как «христианский неоплатонизм». Эта характеристика философии Серебряного века определяет ее в координатах мирового философского процесса.

Первая мировая война, сражения которой проходили на обжитых европейских просторах, революция 1917 г., трагедия вынужденной эмиграции — все это создавало ощущение развершейся под ногами пропасти. В Париже в среде русских мыслителей, преимущественно высланных из России на известном «философском пароходе», был создан Свято-Сергиевский богословский институт (1925 г.), ставший очагом русской мысли за рубежом. Парижская школа аккумулировала в себе важнейшие интеллектуальные процессы русского зарубежья, создала среду для дальнейшего развития отечественной философии, невозможного в тот период в России [22, с. 169]. В этой среде происходил взаимообогащающий диалог восточного и западного дискурсов. Но главное — там произошло новое открытие православного

богословия, были приложены существенные усилия по его интерпретации на языке современной философской мысли. И русская философия обрела в эмиграции новое русло, определяемое новой онтологией, отличной от всех сложившихся на Западе философских систем.

В этот исторический момент прозвучал призыв Г. Флоровского «Вперед, к отцам!», ставший ключевой формулой для неопатристического синтеза (1936 г.).

К святоотеческому наследию обратились не только православные богословы, но и философы, а также представители иных христианских конфессий. Произошло его новое открытие. Углубленное внимание к паламитзму, мистико-аскетической традиции христианства было проявлено в трудах епископа Василия (Кривошеина) [1], В. Н. Лосского [9], проделавшего скрупулезный анализ богословия энергий святителя Григория Паламы, архимандрита Киприана (Керна) [6], протоиерея Иоанна Мейендорфа [10], осуществившего капитальный труд по исторической реконструкции византийского исихазма и паламитского богословия [14]. Эти труды, ставшие классическими, создавались в русле призыва, провозглашенного прот. Георгием Флоровским, и стали фундаментом нового этапа русской философии, в котором мистико-аскетическая традиция Восточной Церкви была осмыслена как явление первостепенной значимости.

Русская философия в изгнании продолжала развивать свой особый подход к онтологии — учению «о бытии, его универсальных основаниях, методах и законах его существования и развития» [12] — и пришла к созданию новой философской системы, отличной от всех сложившихся на Западе. Этот качественный переход, произошедший уже в эмигрантской после-революционной ситуации, остается вне поля зрения учебных курсов.

В представленной статье было предложено решение заявленной проблемы преподавания курса истории русской философии в высшей школе, осуществлен анализ типовых учебников и учебных пособий, а также на основании изданных в последние десятилетия историко-философских текстов показан путь развития отечественной мысли в эмиграции. Из новейших источников следует, что возникновение в Европе очага русской религиозной философии и труды таких мыслителей, как Г. Флоровский, В. Н. Лосский, И. Мейендорф, А. Шмеман, привели к тому, что русская философия вышла на новый уровень — идентификации себя как иной, отличной от западной, философской традиции. Ее фундамент — восточное христианство, т. е. иная по сравнению с Западом онтология. Это огромный вклад русской диаспоры в отечественное самосознание и философское самоопределение. Это плод философского процесса, за два века прошедшего путь, который Запад совершал в течение многих столетий.

Источники и литература

1. Василий (Кривошеин), еп. *Аскетическое и богословское учение святителя Григория Паламы* [Электронный ресурс] / епископ Василий (Кривошеин) // Альфа и Омега. № 3(6). 1995. URL: <http://aliom.orthodoxy.ru/arch/006/006-krivosh.htm> (дата обращения: 16.11.2019).
2. Воденко, К. В. *История религиозной философии*: учеб. / К. В. Воденко, С. И. Самыгин. Ростов н/Д., 2015.
3. Ермишин, О. Т. *Философия религии. Концепции религии в зарубежной и русской философии*: учеб. пособие / О. Т. Ермишин. М., 2009.
4. Зеньковский, В. В. *История русской философии* / В. В. Зеньковский. М., 2001.
5. *История русской философии*: учеб. / под ред. М. А. Маслина. 3-е изд. М., 2013.
6. Киприан (Керн), архим. *Антропология святителя Григория Паламы* / архимандрит Киприан (Керн). Киев, 2006.
7. Киреевский, И. В. *Критика и эстетика* / И. В. Киреевский. М., 1979.
8. Кузьменко, Г. Н. *Проблема актуальности античного наследия в социально-гуманитарном знании (на примере педагогики)* [Электронный ресурс] / Г. Н. Кузьменко // Перспективы науки и образования. 2019. № 3(39). С. 10–19. doi:10.32744/pse.2019.3.1
9. Лосский, В. Н. *Очерк мистического богословия Восточной Церкви* / В. Н. Лосский // Боговидение. М., 2006. С. 111–454.
10. Мейендорф, И., прот. *Жизнь и труды святителя Григория Паламы* / И. Мейендорф. СПб., 1997.
11. Меликов, И. М. *Диалог культур и культура диалога: концептуальные основы* / И. М. Меликов, А. А. Гезалов // Вопросы философии. 2014. № 12. С. 24–35.
12. Отюцкий, Г. П. *Философия управления: онтологические проблемы* / Г. П. Отюцкий // Междунар. журн. новейших технологий и инженерии (IJRTE). 2019. Т. 8. Вып. 4, ноябрь. С. 3534–3538.
13. Пушкин, А. С. *О втором томе «Истории русского народа» Н. А. Полевого* / А. С. Пушкин // Собр. соч.: в 10 т. М., 1976. Т. 6.
14. Рупова, Р. М. *Неопатристический синтез как религиозно-философское течение XX–XXI веков: религиовед.-антрополог. анализ*: дис. ... д-ра филос. наук [Электронный ресурс] / Розалия Моисеевна Рупова. М., 2019. С. 239 // РАНХиГС. URL: <https://www.ganepa.ru/docs/dissertation/rupova-r-m-dissertation.pdf> (дата обращения: 3.08.2019).
15. Суворова, Е. В. *Профессионально-личностный потенциал и параметры оценки его развития* [Электронный ресурс] / Е. В. Суворова, О. В. Андреева, Т. В. Емец // Перспективы науки и образования. 2019. № 3(39). С. 88–100. doi:10.32744/pse.2019.3.7
16. Хомяков, А. С. *Сочинения*: в 2 т. / А. С. Хомяков. М., 1994. Т. 1.
17. Хоружий, С. С. *Генезис философского процесса в России* / С. С. Хоружий // Опыты из русской духовной традиции. М., 2018. С. 31–78.
18. Хоружий, С. С. *О старом и новом* / С. С. Хоружий. СПб., 2000.
19. Хоружий, С. С. *Перепутья русской софиологии* / С. С. Хоружий // О старом и новом. СПб., 2000. С. 141–168.
20. Чернышевский, Н. Г. *Избранные философские произведения*: в 3 т. / Н. Г. Чернышевский. М., 1950. Т. 1.
21. Шапошников, Л. Е. *История русской религиозной философии*: учеб. пособие для вузов / Л. Е. Шапошников, А. А. Федоров. М., 2006.
22. Шпет, Г. Г. *Очерк развития русской философии* / Г. Г. Шпет. Прага, 1922.

23. Rupova, R. M. *Religious and Philosophical Ideas and Ecclesiastical Education of the Russian Emigré Community* [Text] / K. V. Birukova, R. M. Rupova, O. A. Evreeva et al. // *European Journal of Science and Theology*, 2016. Vol. 12, № 3. P. 165–180.

References

1. Vasilii (Krivoshein), ep. [Vasily (Krivoshein), bishop]. *Asketicheskoe i bogoslovskoe uchenie sviatitelia Grigoriia Palamy* [The Ascetic and Theological Teachings of St. Gregory Palamas]. Alpha and Omega. No. 3(6), 1995. Available at: <http://aliom.orthodoxy.ru/arch/006/006-krivosh.htm> (accessed: 11.16.2019).
2. Vodenko K. V., Samygin S. I. *Istoriia religioznoi filosofii* [The History of Religious Philosophy]: textbook. Rostov on Don, 2015.
3. Ermishin O. T. *Filosofiiia religii. Kontseptsii religii v zarubezhnoi i russkoi filosofii* [Philosophy of Religion. Concepts of Religion in Foreign and Russian Philosophy]: tutorial. Moscow, 2009.
4. Zenkovsky V. V. *Istoriia russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow, 2001.
5. *Istoriia russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy]: textbook / ed. M. A. Olive. 3rd ed. Moscow, 2013.
6. Cyprian (Kern), archim. *Antropologiiia sviatitelia Grigoriia Palamy* [Anthropology of St. Gregory Palamas]. Kiev, 2006.
7. Kireevsky I. V. *Kritika i estetika* [Criticism and Aesthetics]. Moscow, 1979.
8. Kuzmenko G. N. *Problema aktual'nosti antichnogo naslediiia v sotsial'no-gumanitarnom znanii (na primere pedagogiki)* [The Problem of Relevance of the Ancient Heritage in the Socio-humanitarian Knowledge (in Terms of Pedagogy)]. *Perspektivy nauki i obrazovania — Perspectives of Science and Education*. 39 (3). 2019. P. 10–19. doi: 10.32744/pse.2019.3.1
9. Lossky V. N. *Ocherk misticheskogo bogosloviia Vostochnoi Tserkvi* [Essay on the mystical theology of the Eastern Church]. Bogovidenie [The Vision of God]. Moscow, 2006. P. 111–454.
10. Meiendorf I., prot. [Meyendorf I., archpriest]. *Zhizn' i trudy sviatitelia Grigoriia Palamy* [Life and Works of St. Gregory Palamas]. St. Petersburg, 1997.
11. Melikov I. M., Gezalov A. A. *Dialog kul'tur i kul'tura dialoga: kontseptual'nye osnovy* [The Dialogue of Cultures and the Culture of Dialogue: Conceptual Foundations]. *Voprosy filosofii — Questions of Philosophy*, 2014. No. 12. P. 24–35.
12. Otyutskiy G. P. *Filosofiiia upravleniia: ontologicheskie problemy* [Management Philosophy: Ontological Problems]. *Mezhdunar. zhurn. noveishikh tekhnologii i inzhenerii — International Journal of Recent Technology and Engineering*, 2019. Vol. 8, issue 4, november. P. 3534–3538.
13. Pushkin A. S. *O vtorem tome «Istorii russkogo naroda» N. A. Polevogo* [About the Second Volume of «History of the Russian People» of N. A. Polevoy]. *Collected Works in 10 vols.* Moscow, 1976. Vol 6.
14. Rupova R. M. *Neopatristskii sintez kak religiozno-filosofskoe techenie XX–XXI vekov: religioved.-antropolog. analiz* [Neoplatonistic Synthesis as a Religious-Philosophical Course of the XX–XXI Centuries: Religious Studies-Anthropological Analysis]: the dissertation for the degree of PhD. Moscow, 2019. Available at: <https://www.ranepa.ru/docs/dissertation/rupova-r-m-dissertation.pdf> (accessed: 08.03.2019).
15. Suvorova E. V. *Professional'no-lichnostnyi potentsial i parametry otsenki ego razvitiia* [Professional and Personal Potential and Parameters for Assessing Its Development]. *Perspektivy nauki i obrazovania — Prospects for Science and Education*, 2019. No 3(39). P. 88–100. doi: 10.32744/pse.2019.3.7.

16. Khomyakov A. S. *Sochineniia* [Compositions]: in 2 vols. Moscow, 1994. Vol. 1.
17. Khoruzhiy S. S. *Genezis filosofskogo protsessa v Rossii* [Genesis of the Philosophical Process in Russia]. *Opyty iz russkoi dukhovnoi traditsii* [Experiences from the Russian Spiritual Tradition]. Moscow, 2018. P. 31–78.
18. Khoruzhiy S. S. *O starom i novom* [About the Old and the New]. St. Petersburg, 2000.
19. Khoruzhiy S. S. *Pereput'ia russkoi sofologii* [Crossroads of Russian Sophiology] // *O starom i novom* [About the Old and the New]. St. Petersburg, 2000. P. 141–168.
20. Chernyshevsky N. G. *Izbrannye filosofskie proizvedeniia* [Selected Philosophical Works]: in 3 vols. Moscow, 1950. Vol. 1.
21. Shaposhnikov L. E., Fedorov A. A. *Istoriia russkoi religioznoi filosofii* [History of Russian Religious Philosophy]: textbook for high schools. Moscow, 2006.
22. Shpet G. G. *Ocherk razvitiia russkoi filosofii* [Essay on the Development of Russian Philosophy]. Prague, 1922.
23. Rupova R. M., Birukova K. V., Evreeva O. A. et al. *Religious and philosophical ideas and ecclesiastical education of the Russian émigré community*. *European Journal of Science and Theology*, 2016. Vol. 12, № 3. P. 165–180.

R. M. Rupova

**ISTORIA RUSSKOI RELIGIOZNOI FILOSOFII V XX VEKE
I EE OTRAZHENIE V UCHEBNYKH KURSakh VYSSHEI SHKOLY
[HISTORY OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY IN THE XX CENTURY
AND ITS REFLECTION IN THE EDUCATIONAL COURSES OF HIGHER SCHOOL]**

Abstract

An analysis of the textbooks of higher educational institutions shows that the course of the history of Russian philosophy usually ends with a consideration of the metaphysics of unity developed in the writings of V. Soloviev and its reflection in the philosophical systems of thinkers of the Silver Age. The author strives to show the further development of Russian thought — that line that organically continued the philosophical searches and discoveries held in the pre-revolutionary period in Russia. Over the past few decades many translations and reprints of philosophical texts of the Russian emigration were carried out to allow us to reconstruct the ways of Russian thought of the twentieth century beyond the borders of Russia. The emergence of the Russian religious philosophy center in Europe led to the fact that Russian philosophy reached a new level, identifying itself as a different philosophical tradition in relation to the West, built on the foundation of Eastern Christianity. According to the author of the article, this development of Russian thought should be reflected in textbooks on philosophy for higher education. The article provides a sketch of the history of Russian religious philosophy over the past two centuries.

Keywords: history of Russian thought, the paths of Russian theology, Silver Age philosophy, religious philosophy, neopatristic synthesis, philosophical thought of Russian emigration, Paris School